

ЧЕТВЕРОСТИШЯ ХАКАНИ.

ИЗДАЛЪ И ПЕРЕВЕЛЪ

Карль Залеманъ.

ДИССЕРТАЦІЯ НА СТЕПЕНЬ МАГИСТРА ПЕРСИДСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ
ФАКУЛЬТЕТУ ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.

(Вас. Остр., 9 лн., № 12.)

1875.

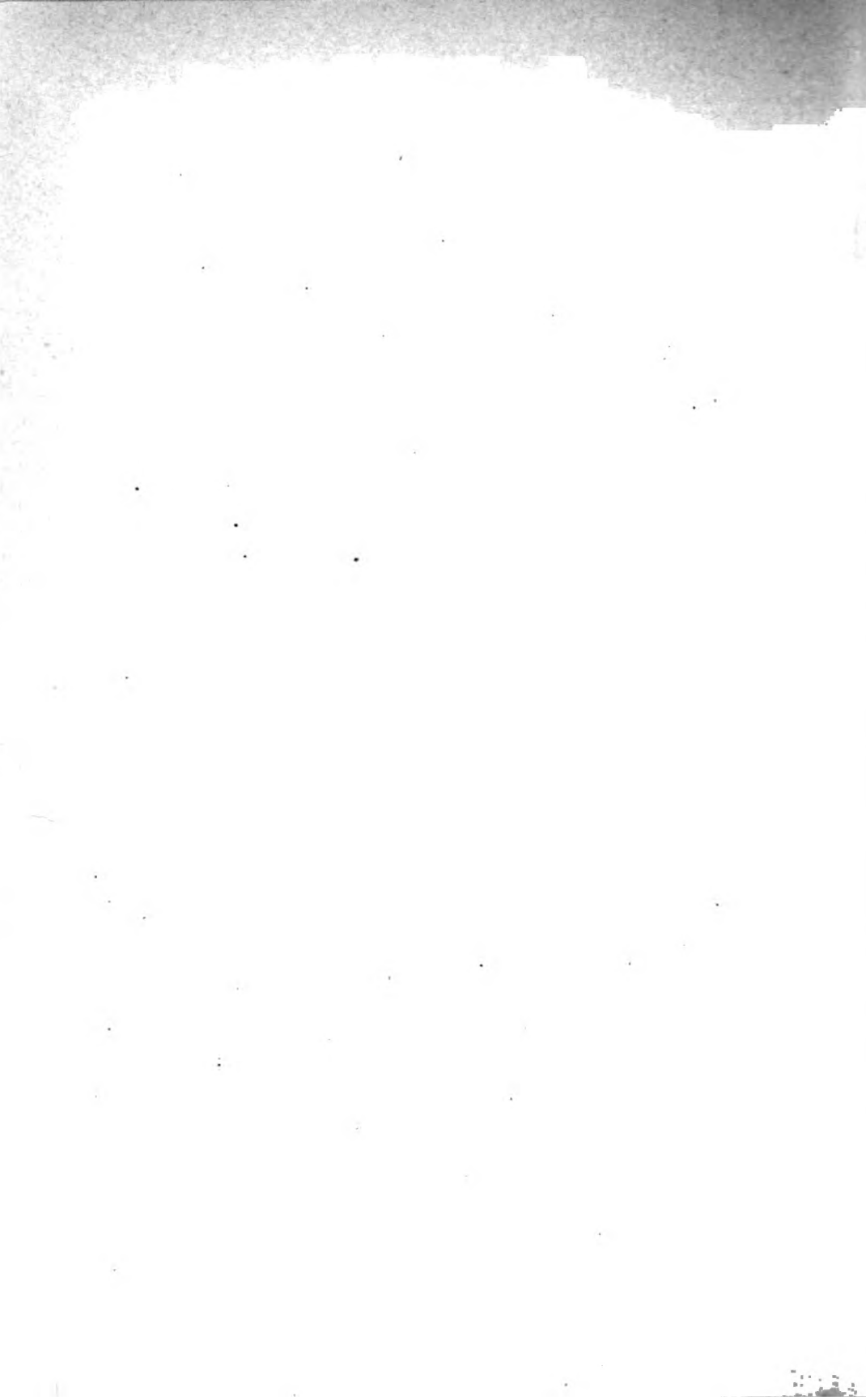
По опредѣленію Факультета Восточныхъ языковъ отъ 23 ноября 1874 года
печатать разрѣшается.

Деканъ Факультета Восточныхъ языковъ *В. Григорьевъ*.

Секретарь *К. Голстунскій*.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
I. Введение.	
§ 1. Обь источниковъ для исторіи персидской поэзіи	1—10
§ 2. Жизнь Хакани	10—22
§ 3. Сочиненія Хакани, ихъ изданія и комментаріи	22—29
§ 4. Замѣтки о языкѣ Хакани	29—36
§ 5. О рукописяхъ, которыми пользовался издатель	36—44
II. Переводъ четверостишіи	45—87
III. Тексты.	
A.	
Четверостишія Хакани	1—10.
Четыре киты Хакани	10.
Одна газель и шесть отрывковъ Хакани, изъ the Asiatic Journal	11—12
B.	
I. Жизнь Хакани изъ Бехаристана Джами	13
II. „ „ „ Нефахат-эль-Унсъ Джами	14
III. „ „ „ Тезкерѣ Даулетшаха	15
IV. „ „ „ Атешкедѣ	16
V. Жизнь Абуль-‘Алы по Даулетшаху	17
VI. „ „ изъ Маджму‘э-и-Шу‘эра	18
VII. „ „ изъ Атешкедѣ	19
VIII. Жизнь Фелеки по Даулетшаху	20
IX. „ „ изъ Маджму‘э	21
X. „ „ изъ Атешкедѣ	22
Обзоръ размѣровъ	23
IV. Index Verborum	24—91

ВВЕДЕНИЕ.

§ 1.

Быстрые успѣхи восточной филологіи съ начала нашего столѣтія не остались безъ вліянія и на ученія занятія персидскимъ языкомъ и персидскою словесностью. Между тѣмъ какъ въ прежнее время персидскій языкъ изучался сперва въ видѣ дополненія къ такъ называемымъ восточнымъ языкамъ (*linguae orientales*, подъ которыми подразумѣвались преимущественно семитскіе языки), а потомъ почти только съ дипломатическою цѣлью въ Англіи, въ Индіи и въ Вѣнѣ, нынѣ, на основаніи разбора и филологическаго разъясненія памятниковъ древне-эранскихъ нарѣчій, начала развиваться особая эранская филологія, уже приведшая къ замѣчательнымъ открытіямъ. Благодаря изученію Авесты и Ахеменидскихъ надписей, развитію или, лучше сказать, самому возрожденію котораго не мало способствовала еще молодая въ то время санскритская филологія, удалось наконецъ основательно понять грамматическій строй и новоперсидскаго языка, такъ какъ оно дало возможность слѣдить за развитіемъ формъ съ самой дальней древности. Равнымъ образомъ эпическія сказанія Персіянъ, главнѣйшимъ источникомъ которыхъ служитъ Шахнамэ Фирдауси, представились въ совершенно другомъ видѣ съ тѣхъ поръ, какъ были указаны ихъ прототипы въ Авестѣ и въ Ведахъ. Оказывается, что эти сказанія имѣютъ чисто мифологическій, а никакъ не историческій характеръ, что прежде составляло общее мнѣніе, къ сожалѣнію еще и нынѣ не всѣми оставленное.

Однако означенныя изслѣдованія ограничивались исключительно эранскою стороною новоперсидской филологіи, между тѣмъ какъ на образованіе національности, а вслѣдствіе того и словесности Новоперсіянъ, имѣлъ значительное и глубокое вліяніе еще

другой элементъ. Это — исламъ, твореніе семитскаго духа. Правда, семитизмъ сталкивался съ эранизмомъ уже при Ахеменидахъ, а можетъ быть даже еще раньше, и потомъ въ вѣкъ Сасанидовъ, что ясно доказываютъ дошедшіе до насъ памятники; но это доисламское семитское вліяніе далеко не производило такого кореннаго переворота какъ исламъ. Весь бытъ народа, его семейная жизнь и вѣрованія оставались все еще эранскими и связанными съ древностью, какъ она представляется въ священныхъ книгахъ Маздаяснговъ. Совсѣмъ иначе пошло дѣло, когда исламъ съ полною силою молодости столкнулся съ обветшалымъ эранскимъ міромъ. Ослабѣвшее и терзаемое политическими и религіозными раздорами государство Сасанидовъ сокрушилось, бывъ не въ силахъ выдержать напора восторженныхъ ратниковъ «единого Бога и его Пророка», — и на развалинахъ воцарилась новая вѣра, а вмѣстѣ съ нею и новый міръ. Чужой элементъ, насильственно внесенный въ жизнь персидскаго народа, одержалъ верхъ надъ всѣми попытками противостать ему, и чужая вѣра такъ крѣпко утвердила свое господство надъ умами новыхъ поклонниковъ, что послѣдняя реакція эранскаго духа, шіитство, могла проявиться уже только въ видѣ догматическаго обособленія, которое, хотя оно и имѣло огромное политическое значеніе, не успѣло однакожь вполне освободить эранизмъ отъ вліянія *семитскаго* ислама.

Такимъ образомъ завоеваніе Эрана Арабами, уничтоживъ почти всякую связь между народомъ и его прошедшимъ, ввело Персіянъ въ новый кругъ культуры, мусульманскій, если можно такъ выразиться. И на сколько справедливо мнѣніе Ренана, что всѣ народы, принявшіе исламъ, дѣлаются нѣкоторымъ образомъ семитами, это доказываетъ первый взглядъ на племена эранское, тюркское, индійское и пр., ихъ исторію и жизнь. Слѣдовательно Новоперсіянъ мы можемъ считать совсѣмъ другимъ народомъ, какъ ихъ предки, новою народностью, происшедшею изъ смѣси эранскаго и семитскаго элементовъ. Лучшимъ доказательствомъ такого вывода можетъ служить литературная дѣятельность Персіянъ. Научной литературы, имѣющей самостоятельное значеніе, на персидскомъ языкѣ собственно не существуетъ, хотя первые представители наукъ въ исламѣ и были персидскаго происхожденія.

Но они писали на арабскомъ языкѣ частью потому, что древняя научная литература Персіянъ существовала, какъ говорятъ, на пехлевійскомъ языкѣ и переводилась на арабскій по приказанію халифовъ, частью же потому, что арабскій языкъ, какъ языкъ священнаго писанія—корана, читали и понимали всѣ болѣе образованные люди во всѣхъ странахъ подчиненныхъ власти халифовъ. Извѣстно, что при первыхъ халифахъ писались на персидскомъ языкѣ лишь финансовыя и другія бумаги и документы. Только въ послѣдствіи возникли персидская исторіографія и географія, а грамматическая и лексикографическая литература постоянно слѣдовали арабскимъ образцамъ.

Гораздо самостоятельнѣе развилась изящная литература Персіянъ. Одновременно съ образованіемъ въ Эранѣ національныхъ государствъ, болѣе или менѣе независимыхъ отъ власти халифовъ, являются, по рассказамъ историковъ, и знаменитые поэты, находившіе покровительство и поддержку у разныхъ властителей; и персидская поэзія развилась съ такою удивительною быстротою, что уже первые дошедшіе до насъ памятники ея носятъ всѣ признаки знакомства поэтовъ съ пріемами и правилами еще въ настоящее время соблюдаемыми. Принявъ внѣшнія формы поэзіи отъ Арабовъ, Персіяне развили ихъ въ своемъ духѣ съ такимъ успѣхомъ, что по разнообразію и художественному достоинству персидская поэзія, можно сказать, занимаетъ первое мѣсто въ литературахъ мусульманскихъ народовъ, и послужила образцомъ для Турковъ и Индусовъ. Безо всякаго вліянія Арабовъ развилась, напримѣръ, эпическая поэзія, преобразовавшаяся въ послѣдствіи въ романтическую; и по мнѣнію de Lagarde даже эпическій размѣръ *кат' эхъу'н*, мутекърибъ, изобрѣтенъ Персіянами самостоятельно. Только у Персіянъ газель получила такое высокое значеніе, что Джонсъ въ своихъ извѣстныхъ *Poeseos Asiaticae Commentarii* называетъ ее просто *carmen Persicum*, и только у нихъ сочинялись руба'и, въ нѣкоторой мѣрѣ соответствующія эпиграммамъ древнихъ. Считаю излишнимъ указывать на мистическую поэзію или на сказочную литературу, послѣдняя изъ которыхъ, хотя и возникла въ Индіи изъ буддійскихъ легендъ, но распространилась по всему востоку и по Европѣ лишь при посредствѣ Персіянъ.

Но персидская поэзія имѣть большое значеніе не только въ эстетическомъ отношеніи или для исторіи всемірной литературы, но и ученый, занимающійся ею лишь съ лингвистическою цѣлью, найдетъ въ ней богатое поле для изслѣдованій. Прозаическій слогъ ученой литературы всѣхъ мусульманскихъ народовъ слишкомъ сильно пострадалъ отъ вліянія арабскаго языка, превосходство котораго надъ собственнымъ роднымъ языкомъ всѣ мусульмане считаютъ неоспоримымъ. Въ стихахъ же гораздо свободнѣе обнаруживается коренной своеобразный духъ народа, такъ какъ поэтъ и въ мысляхъ и въ языкѣ остается болѣе національнымъ. Поэтому изученіе поэзіи можетъ принести много пользы не только грамматическому, но и, еще болѣе, лексическому знанію персидскаго языка.

При всей важности и занимательности персидской поэзіи тѣмъ болѣе поражаетъ обстоятельство, что въ теченіе слишкомъ столѣтія, протекшаго со времени начала ея изученія въ Европѣ, до сихъ поръ довольно мало сдѣлано для исторіи ея развитія и процвѣтанія. Кромѣ нѣсколькихъ монографій и разсѣянныхъ тамъ и сямъ, преимущественно же въ каталогахъ рукописей, краткихъ замѣтокъ объ отдѣльныхъ писателяхъ и ихъ сочиненіяхъ, собственно только два сочиненія занимаются біографіею персидскихъ поэтовъ вообще.

Первое «Geschichte der schönen Redekünste Persiens, mit einer Blüthenlese aus zweyhundert persischen Dichtern. Von Joseph von Hammer. Wien 1818. 4°», довольно скудное сокращеніе біографическаго сочиненія Даулетшаха, о которомъ мы скажемъ послѣ, съ прибавленіями изъ сочиненія (тезкерѣ) принца Самъ-Мирзы бенъ Шахъ Исмаилъ Сефи, оконченнаго въ 957 г. гиджры (см. объ этой тезкерѣ носящей заглавіе *تذکره سامی*, S. de Sacy въ *Notices et Extraits des Mss.* t. IV p. 273—308 и Al. Sprenger, A. Catalogue of the Arabic, Persian and Hindustany Manuscripts, of the Libraries of the King of Oudh, etc. Vol. I. Calcutta 1854. 8° p. 12 nr. 7). Извѣстно, какъ переводилъ Гаммеръ, и такимъ образомъ эта книга даже не можетъ хотя нѣсколько замѣнить источниковъ, изъ которыхъ она почерпнута.

Другое сочиненіе «Biographical Notices of Persian Poets; by the late R. H. Sir Gore Ouseley, Brt. London, Or. Trsl. Fund.

1846. 8^о» содержитъ біографическія замѣтки о тридцати или сорока персидскихъ поэтахъ и писателяхъ, сочиненія которыхъ находились въ собраніи рукописей автора. Узлэ пользовался гораздо большимъ количествомъ источниковъ чѣмъ Гаммеръ; но его сочиненіе не исторія литературы, такъ какъ оно состоитъ изъ отдѣльныхъ статей безо всякой связи между собою и даже не расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Кромѣ того замѣчательны: уже упомянутый каталогъ Шпренгера, одна только вышедшая часть котораго описываетъ персидскія и индустанскія поэтическія рукописи, и статейка Флюгеля «Persische Literatur» въ Encyclopädie von Ersch и Gruber, Section III bd XVII p 487^b — 501^b.

Затѣмъ еще слѣдующія книги занимаются поэзіею и поэтами Персіанъ, но я къ сожалѣнію не могъ ими пользоваться: Kirckpatrick, Introduction to the history of the Persian Poetry въ The New Asiatic Miscellany, Calcutta 1789 Nr 1, Parnasse oriental par le Baron Rousseau, Alger 1841 (?) и Nath. Bland, A Century of Persian Ghazals, London 1851.

Въ настоящее время Dr. Ethé, въ Оксфордѣ, собираетъ матеріалы для полной и соотвѣтствующей требованіямъ науки исторіи персидской словесности. Можно надѣяться, что наконецъ и персидская словесность, столь важная во многихъ отношеніяхъ, найдетъ своего историка, — задача, которой, къ сожалѣнію, не могъ исполнить Бляндъ.

Что же касается источниковъ, изъ которыхъ слѣдуетъ почерпнуть свѣдѣнія, нужныя для исторіи персидской словесности, то они троякаго рода.

Во-первыхъ, такъ называемыя тезкерè (تذكرة الشعراء). Персіане — народъ имѣющій большую склонность къ поэзіи, и вслѣдствіе этого составившій множество антологій, къ которымъ въ большинствѣ случаевъ прибавлялись короткія біографическія и критическія замѣтки о жизни и сочиненіяхъ авторовъ выписываемыхъ стихотвореній. Часто эти замѣтки составляютъ главное содержаніе такого рода сборника (отъ чего и названіе تذكرة «упоминаніе»), а цитаты ограничиваются только незначительнымъ числомъ стиховъ. Сочиненіемъ тезкерè занимались многіе ученые и любители; нѣкоторые изъ нихъ были даже сами поэтами, и въ

такомъ случаѣ вполне можно положиться на вѣрность ихъ суждений о достоинствахъ разбираемыхъ ими поэтовъ. Съ разнообразіемъ и множествомъ персидскихъ тезкерѣ знакомитъ насъ статья упомянутого уже англійскаго ученаго Nath. Bland въ Journ. of the Roy. As. Soc. London 1848 vol IX p. 111 sqq. подъ заглавіемъ: «On the earliest Persian Biography of Poets by Muhammad 'Aufi, and on some other works of the class called Tazkirat ul Shuará. Бляндъ упоминаетъ 45 сочиненій этого рода, а между 42 персидскими тезкерѣ перечисляемыми въ сказанномъ каталогѣ Шпренгера находятся еще многія неизвѣстныя Блянду. Однако обиліе источниковъ не можетъ принести большой пользы живущему въ Петербургѣ, такъ какъ, къ сожалѣнію, въ здѣшнихъ библіотекахъ сохраняется только незначительное число ихъ. Скажу нѣсколько словъ о тѣхъ, которыми я могъ пользоваться.

I. Самая извѣстная тезкерѣ, если можно такъ назвать ее, — седьмая книга Джамиева Беһаристана. Это сочиненіе (о которомъ см. Sprenger Catal. Oudh p. 6 nr 2) написано въ подражаніе Гюлистана Саади, и было окончено въ 892 (1487) г. Издано оно съ нѣмецкимъ переводомъ въ Вѣнѣ 1846. 8°, подъ заглавіемъ: «Der Frühlingsgarten von Mewlana Abdurrahman Dschami. Aus dem Persischen übersetzt von O. M. Freiherrn von Schlechta-Wssehrd. Жизни нѣкоторыхъ изъ 38 упомянутыхъ въ Беһаристанѣ поэтовъ напечатаны тоже въ Anthologia Persica, Viennae 1778. 4° p. 60—87 съ латинскимъ переводомъ (а именно: Рудеги, Анвари, Асджади, Дакики, Уисури, Фаррухи, Аммаъръ, Саади, Хафизъ, Рашидъ Ватватъ, Фирдауси), въ Chrestomathia Persica ed. Fr. Spiegel, Lipsiae 1846 p. 20—23. (Заһиръ Фаріаби и Низами), и жизнь Фирдауси въ «Персидской Христоматіи» Болдырева, изд. 2-е. Москва 1833, ч. I, стр. 190—193.

Турецкій комментарий (и переводъ) Беһаристана сочинилъ Мухаммедъ Шакиръ подъ заглавіемъ: *مدیرة العرفان در شرح بهارستان*; онъ напечатанъ въ Константинополѣ въ 1252 г. 207 л. 8°.

II. Не менѣе извѣстна, но издана только въ отрывкахъ, тезкерѣ Даулетшаһа бенъ 'Алаэддаула Бахтишаһъ Самаркандскаго, современника Джами и 'Алишира, оконченная тоже въ 892 г. См. о ней de Sacy въ Notices et Extraits t. IV p. 220 sq. и

Sprenger Catal. Oudh p. 7 nr 3. Кромѣ индійскихъ изданій и переводовъ отдѣльныхъ біографій, напечатанныхъ въ разныхъ мѣстахъ, изданы изъ нея слѣдующія статьи:

Изъ введенія: *Origines poeseos Persicae* въ *Institutiones ad fundamenta linguae Persicae cum chrestomathia etc.* ed. Fr. Wilken. Lipsiae 1805. 8° p. 167—171.

Жизнь *Фирдауси* въ *Fragmente lib. d. Religion des Zoroaster*. A. d. Pers. übszt... v. Dr. J. A. Vullers. Bonn 1831 8° p. 1—14.

Еще изданы Вуллерсомъ: *Vitae poetarum Persicorum ex Dauletschahi historia poetarum excerptae*. Fasc. I. *Hafizi Schirazensis vitam tenens*. Gissae 1839. 8°. Біографія Хафиза напечатана еще у Wilken'a *Chrestom.* p. 220—230 и въ «Перс. Христом.» Болдырева, изд. 2-е, ч. I, стр. 194—197 (съ выпусками).

— Fasc. II. *Anvarii vitam tenens*. Gissae 1868. 8°.

Жизнь *Низами*: Erdmann, *De expeditione Russorum Berdaam versus etc. Pars I* Casani 1826. 8° p. 4—9, и его же *Behram-Gur u. d. Russische Fuerstentochter*. Kasan 1844 gr. 8° p. VII—XIII.

Жизнь *Аттара*: de Sacy, *Pendnameh ou le livre des conseils de Ferid-eddin Attar*. Paris 1819. 8° p. 10—14, и въ «Перс. Христом.» Болдырева, изд. 2-е ч. I, стр. 197—208.

Жизнь *Саади* въ изданіи его сочиненій, напечатанномъ въ Калькуттѣ 1791, трудами J. H. Harington'a (по Sprenger Catal. Oudh p. 8).

Жизнь *Хаджу Кермани*: Erdmann въ Z. D. M. G. II, 1848. p. 206 sq.

Жизнь *Семмāна Сāведжи*: Erdmann въ Z. D. M. G. XV, 1861 p. 759 sq.

На турецкій языкъ перевелъ эту тезкерѣ Фейһмъ Сулейманъ Эфенди въ 1233 (1817—18) г., выпустивъ введеніе и историческія статейки Даулетшаха и дополнивъ его сочиненіе изъ Нефахатъ, тезкерѣ Али-Шира и Сам-Мирзы и др. Переводъ этотъ, носящій заглавіе *سینه الشعر*, напечатанъ въ Константинополѣ въ 1259 г. 7'—352 стр. 4° (Собр. Казембека № 167). Ср. Flügel. d. arab.-pers. u. türk. Hdss. d. K. K. Hoffbibl. zu Wien II 413 nr 1258.

III. Третья тезкерэ, которою я пользовался, есть сокровище принадлежащее Публичной Библиотекѣ; другого экземпляра, сколько извѣстно, нигдѣ нѣтъ. Это сочиненіе неизвѣстнаго автора называется на обрѣзѣ *مجموعۃ شعراء* ¹⁾ и описано сперва у Charmoy, Expédition d'Alexandre le Grand contre les Russes etc. St.-Ptbg. [1829] 8° p. 78. 79, потомъ Дорномъ въ Catalogue des Manuscrits et Xylographes orientaux de la Bibl. imp. publique de St.-Ptbg. 1852 p. 312. nr cccxxii (ср. Bland J. R. A. S. vol ix Ld. 1848 p. 174). Означенная рукопись содержать въ себѣ выписки, иногда довольно объемистыя и съ прибавленіемъ въ фихристѣ словъ *بالنعام*, изъ дивановъ тридцати трехъ поэтовъ, предшествуемыхъ краткою біографіею каждого. Біографіи, какъ уже замѣтилъ Шармуа, большею частью заимствованы изъ Даулетшаховой тезкерэ.

IV. Наконецъ, приведу еще тезкерэ Лютф-Али Бека Азера, извѣстную подъ названіемъ *آتشکده*, т. е. «Храмъ огня». О ней написалъ подробную статью тотъ же Nath. Bland, Account of the Atesh Kedah, a Biographical Work on the Persian Poets, by Hajji Lutf Ali Beg, of Ispahan J. R. A. S. vol. VII Lond. 1843 p. 345 — 392 и въ особенномъ оттискѣ Lond. (1843) 8° (см. Defrémery Journ. As. s. iii t. iv 1844. p. 318 — 327). Персидскій авторъ родился въ 1134 (1721—22) г., но когда онъ закончилъ свое сочиненіе, неизвѣстно, во всякомъ случаѣ не раньше 1765 г. по Р. Х. Бляндъ самъ намѣревался издать эту тезкерэ, но вышелъ только первый выпускъ Lond. 1844. 8°. The Atesh Kedah or Fire temple.... now first edited from the collation of all known manuscripts by Nath Bland. Ценкеръ ошибся, говоря, что вышли два выпуска. Въ Индіи напечатаны два литограф. изданія Атешкедэ, въ Калькуттѣ ¹²⁴⁹₁₈₅₃ и въ Бомбеѣ ¹²⁷⁷₁₈₆₀, которыхъ нѣтъ въ здѣшнихъ библиотекахъ. Кромѣ того, покойный профессоръ Эрдманъ издалъ въ Z. D. M. G. xv 1861 статьи Лютф-Али-Бека о Зульфикарѣ (стр. 745 и 755), Сельманѣ (стр. 771 — 772), Ахли Ширази (стр. 775) и Ахли Тершизи (стр. 775—776).

¹⁾ Шармуа читалъ *مجموعۃ شعراء نذکره مانند*, но двухъ послѣднихъ словъ теперъ больше разобрать нельзя.

Но источникомъ свѣдѣній для исторіи персидской литературы служить не только однѣ тезкерэ, занимающіяся исключительно жизнеописаніями поэтовъ; другія біографическія и литературныя сочиненія восточныхъ авторовъ также могутъ принести большую пользу для этой цѣли. Мы имѣемъ въ виду біографіи ученыхъ, священныхъ мужей, мистиковъ и т. п., написанныя многими восточными авторами. Для настоящаго труда я пользовался только одною изъ нихъ, а именно *نفحات الانس* Джами, подробности о которой см. въ статьяхъ de Sacy Not. et Extr. XII 1831 pag. 287—436 и Гаммера въ *Wiener Jahrbücher* lxxxiv (1838) *Anzeige-Blatt* p. 40—49 (ср. Flügel d. arab., pers. u. türk. Hdss. III 424 nr. 1944). Калькутское изданіе 1859 г. носитъ заглавіе: «Lees' Persian Series. — The Nafahát al-Ons min Nadharát al-Qods, or the lives of the Soofis. By Mawhana... Jámi. Edited by Mawlawis Gholám 'Iisa 'Abd al Hamíd and Kabír al-dín Ahmad, with a biographical sketch of the author, by W. Nassau Lees.» 20 + v + стр. 8°.

Турецкій переводъ Нефахатъ, сочиненный Мухаммедомъ бенъ Усманъ Бурсеви Ламіи напечатанъ въ Константинополѣ 1854. 4° (Zenker II nr. 506).

Что же касается собственно историческихъ сочиненій, то на персидскомъ языкѣ нѣтъ почти ни одного изъ нихъ, въ которомъ не приводились бы стихи извѣстныхъ поэтовъ, имѣвшіе вліяніе на какое-нибудь событіе или сочиненные по его поводу, и не рассказывались бы анекдоты изъ жизни поэтовъ. Но такъ какъ исторіи того времени и тѣхъ странъ, когда и гдѣ жилъ Хакани, персидскіе бытописатели касаются довольно поверхностно, то я считалъ бесполезнымъ обращаться къ нимъ за новыми свѣдѣніями.

Третьимъ и, безъ сомнѣнія, главнымъ источникомъ должны служить собственныя сочиненія поэтовъ. Между тѣмъ, какъ другіе источники знакомятъ насъ съ обстоятельствами внѣшней жизни поэта и, къ сожалѣнію, большею частью въ довольно общихъ чертахъ, изъ самыхъ сочиненій можно узнать его духъ и умственное развитіе. Къ тому же изученіе самого автора — лучшее пособіе для повѣрки и поправки показаній его біографовъ, почти безъ критики выписывающихъ одинъ изъ другого.

Но, при важности такого изученія самихъ авторовъ, нельзя отрицать и значительныхъ затрудненій, которыя встрѣчаетъ всякій, берущійся за это дѣло. Сочиненія персидскихъ поэтовъ доступны до сихъ поръ большею частью лишь въ рукописяхъ, или, что почти то же самое, въ изданіяхъ, вышедшихъ на востокѣ. Почти всѣ они ждутъ критической обработки, и пользоваться ими безъ предварительныхъ трудовъ—крайне неудобно. Предположивъ писать объ одномъ изъ значительнѣйшихъ между наиболѣе древними персидскими поэтами, я сначала сталъ сравнивать рукописи для полученія соотвѣтствующаго требованіямъ критики текста касидъ Хакани, главнаго источника его біографіи; но скоро убѣдился, что понять ихъ безъ помощи комментарія выше силъ моихъ. Итакъ, чтобы остаться при выбранной темѣ, я былъ принужденъ ограничиться изданіемъ четверостишія поэта, не представляющихъ значительныхъ трудностей для объясненія. Надѣюсь, что издаваемая мною, хотя малая и незначительная, часть дивана Хакани, все-таки можетъ служить нѣкоторымъ образомъ къ ознакомленію съ этимъ писателемъ, заслуживающимъ особеннаго вниманія частью по своей учености и начитанности, частью же по богатству поэтическихъ образовъ, соединенному съ свободнымъ и изящнымъ употребленіемъ языка.

Здѣсь не излишне предложить краткій очеркъ жизни, сочиненій и языка поэта, хотя я, по самому свойству дѣла, поставленъ въ этомъ отношеніи въ необходимость преимущественно повторить результаты, добытые прежними изслѣдованіями.

§ 2.

Если вспомнить различіе, дѣлаемое эстетиками между поэзіею народной, наивной и художественной, рефлексивной, то нельзя не сознаться, что вся богатая поэтическая литература Персіяны принадлежитъ къ послѣднему роду. Хотя нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что и у персидскаго народа, столь богато одареннаго въ умственномъ отношеніи, были и есть свои пѣсни²⁾ и

²⁾ См. о нихъ Chodzko, *Specimens of the popular poetry of Persia.* Lond. 1842.

сказки, но въ самой литературѣ онѣ ничемъ не выразили своего значенія, и изъ нихъ ничего не дошло до насъ, такъ какъ Шах-намѣ можно было бы отнести сюда только по содержанію, а никакъ не по формѣ. Такимъ образомъ, говоря о персидской поэзіи, слѣдуетъ имѣть въ виду только произведенія поэтовъ, писавшихъ съ яснымъ сознаніемъ своего искусства и съ цѣлью произвести поэтическое впечатлѣніе. Много способствовало такому положенію дѣлъ и то обстоятельство, что на востокѣ, преимущественно же въ Персіи, науки и искусства процвѣтали только при дворахъ, благодаря покровительству со стороны властителей и сановниковъ. Въ народности, подчиненной тяжкому игу деспотизма, всѣ высшія умственные стремленія не могли рассчитывать ни на малѣйшій успѣхъ, если ихъ представители не старались угождать властелинамъ. Послѣдніе же съ своей стороны часто стремились, изъ тщеславія или изъ другихъ побужденій, превзойти другъ друга щедростью, съ которою они покровительствовали ученымъ и поэтамъ, такъ что поэтъ, довольный однимъ государемъ, могъ ожидать полнаго успѣха у другаго. Высокая важность, которая приписывалась поэзіи при восточныхъ дворахъ, выражается тѣмъ, что при дворѣ почти каждаго государя была учреждена должность *ملك الشعرا*, «царя поэтовъ», стоявшаго во главѣ остальныхъ придворныхъ поэтовъ и вмѣстѣ съ ними обязаннаго восхвалять царя. Этою-то officialностью положенія и объясняется панегирическое направленіе и нѣкоторая монотонность персидской поэзіи, образовавшіяся путемъ преданія подъ руководительство царей поэтовъ. Сверхъ того, персидскія хвалебныя касиды, какъ справедливо замѣчаетъ Ханьковъ, даже не могутъ имѣть большого интереса и для историка, такъ какъ ихъ сочинители довольно рѣдко и только поверхностно упоминаютъ объ историческихъ фактахъ или дѣяніяхъ восхваляемыхъ лицъ, а большею частью ограничиваются высокопарными фразами и сравненіями. —

Шестой вѣкъ гиджры былъ особенно богатъ поэтическими талантами, развитію и счастливой судьбѣ которыхъ не мало способствовало тогдашнее политическое положеніе мусульманскаго востока. Въ разныхъ странахъ его господствовали и возникали для эфемернаго владычества мелкія династіи, старавшіяся порвать